

ЮРИЙ ПИОНЕРОВ

ЛЕВ СТАРОВ

ШЕФ-ПОВАР НАЗАД В СССР

ТОМ 2

Юрий Пионеров

Повар. Назад в СССР 85 год Том 2

«Автор»

«Автор»

2026

Пионеров Ю.

Повар. Назад в СССР 85 год Том 2 / Ю. Пионеров — «Автор»,
«Автор», 2026

Две звезды Мишлен, собственный ресторан, роскошная жизнь И всё это осталось под колёсами грузовика. Зато мне снова двадцать два! На дворе 1985-й: СССР, авоськи, дефицит, гранёные стаканы с компотом и заведующая, у которой на любую затею одно слово: «Не положено!» Ага, сейчас. Я двадцать лет командовал лучшими кухнями Европы и умел зарабатывать. Неужели не справлюсь с советской столовой? Из костей сварю деликатес, из очереди сделаю очередь за добавкой, а из поварёнка — человека, которого знает весь город. Впереди перестройка, кооперативы и лихие девяностые. На этот раз я знаю, когда ловить удачу за хвост. И пустые карманы в мои планы не входят!

© Пионеров Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Г	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Повар. Назад в СССР 85 год Том 2

Глава 1

Утром я первым делом пошёл не к печи, а к холодильному шкафу. Лодкин отпер дверцу; достали вчерашние записи. Килограмм готовых шкварок стоял на полке готового, четыре килограмма сырой части — ниже, мясо отдельно от костей, кожи и жил. Жир был в своей закрытой посуде. Всё на месте. Я уже прикидывал суп с мясом, когда в дверях появилась Шепелева.

— Сырую мякоть в общий цех, — сказала она. — Алле на подливу. Выданные остатки не дают тебе права каждый день самовольничать.

— Тогда перепишите выдачу, Раиса Петровна. Вчера вы оставили весь ящик за мной. Часть приготовлена, часть лежит. Лодкин всё взвесил.

Тамара подошла с листом. Заведующая сперва посмотрела на него, потом на открытый шкаф.

— Перепишите. Мякоть забираем. Кости пусть остаются, раз он за них так держится. Только новых ночных котлов мне не надо!

При ней отделённое мясо взвесили и передали Галке для общего цеха; в моём остатке зачеркнули прежнюю строку, внесли передачу и то, что осталось на выварку. Мясо теперь пойдёт в чужую подливу, а мне достанется бульон. За право приготовить его днём пришлось попросить прямо.

— Эти кости на печи сегодня можно? И вчерашний готовый килограмм разогреть? Десять порций, новых шкварок не обещаю.

— Под ответственность Лодкина. Выход Тамаре. И стол из красного уголка больше не трогать.

Лодкин кивнул. Когда заведующая ушла, выдохнул через нос.

— На газ тебя не пустила, зато на кости согласилась. Успей выварить, парень.

Зоя нашла маленький свободный стол в подсобке зала. Вдвоём вынесли его к колонне, оставив проход к обычной раздаче. Скатерть с банкетного осталась в красном уголке; здесь хватило чистого льняного полотенца. После переноски вымыл руки и вернулся к сырию.

К обеду возле моего стола уже ждали вчерашние едоки. Казан со шкварками пустовал: десять порций из вчерашнего килограмма прошли через Тамарину кассу ещё в начале обеда. Пять рублей за них остались у неё, не в моей сумке. Новую обрезь мне не дали. Вчера люди платили за горячее и хрустящее. Сегодня смотрели на мою пустую витрину и переговаривались всё громче.

У Аллы на раздаче лежали свежие котлеты из мяса, пришедшего по накладной. Её очередь шла быстрее: кому пора к станку, тот брал привычный обед и уходил.

— Чего уставился? — Алла ткнула половником в сторону моего окна. — Вчера твой чад всех заманил, а сегодня чем кормить будешь? Котлеты у меня есть. И горячие, между прочим.

— Горячие вижу. А ты у своей очереди спроси, кто из них вчера просил добавки у меня.

— Вот и спроси сам, когда они разбегутся. Накладную на мои котлеты подписали, Марк. На твой «мусор» кто подпишет?

Она нарочно произнесла последнее слово громче. Я отобрал из обрезки сало и мясо для вчерашних шкварок; она знала, что это было съедобное сырьё. Сейчас ей хотелось, чтобы люди у окна слышали только «мусор». Позади меня кто-то нетерпеливо постучал ложкой по подносу. Время на спор уходило вместе с очередью.

Кости, жиры и кожу я вчера отложил в другую партию. Сегодня взял их из холода на выварку; пустую тару вымыл и поставил сушиться. Шепелева прекрасно знала, что нового «брака» мне больше не полагалось. Для основного цеха столовая получала весь набор продук-

тов, по документам придаться было не к чему. Остатки отправляли в помойку или на корм совхозным свиньям. До Лагутина они не доходили.

Из очереди начали уходить. Вчерашние едоки пока оставались, только переминались всё чаще и косились на раздачу Аллы. Ещё немного — и махнут рукой на мои шкварки. Обеденный перерыв никто ради меня не продлит.

— Марк! — окликнула Зоя, проходя мимо со стопкой грязных тарелок. Позвала как обычно, но посмотрела на мой пустой стол, затем на кабинет Шепелевой. Под табличкой «Заведующая» была приоткрыта дверь.

— Суп будет, Зоя, — ответил я так, чтобы услышали оставшиеся в очереди. — На костном бульоне. Сегодня выварил.

Три часа у печи дали крепкий бульон. Лодкин поддерживал тихое кипение, пока я снимал пену и занимался вчерашними шкварками. Затем процедил выварку; кости и разваренные жилы отложил на списание. Оставшиеся на костях кусочки мяса перебрал отдельно, вернул в бульон. Добавил немного грибов из принятого запаса и обжаренный лук. Выход и расход Тамара записала. Ночная строка в графике так и оставалась без подписи; этот суп готовил днём, как разрешили утром.

Небольшой котёл супа, а не обед для всей столовой. На поверхности дрожали золотистые капли жира. К нему нужен кусок, который можно прожевать, а не только выпить горячее.

Достал кастрюлю с бульоном и поставил её на решётку дровяной печи, где Лодкин уже поддерживал огонь. Бульон загудел. Взял сухари из своей заправки — черствые, ржаные, нарезанные толстыми ломтями. Налил пробу в отдельную чашку, обмакнул край сухаря и поднёс ко рту. Сухой край хрустнул, размокший отдал хлебный вкус горячему бульону. Хорошо. Только мяса здесь мало, как бы вкусно я ни сварил кости.

Из конца очереди подошла знакомая бабка с авоськой. Она посмотрела на меня, потом на Аллу с её котлетами, потом снова на меня. В её глазах читался вопрос: «Ты обещал вкусное. Где оно?»

— Подождите, я вас помню, — сказал я тихо, наклонившись к ней через стол. — Бульон стоит на печке, сухарь рядом. Вам сейчас налью, не зря ждали.

Бабка повернулась к очереди, но далеко не ушла: осталась у моего окна, ближе к столу. Авоську не подняла. Пока ещё ждала.

К концу обеденного перерыва моя очередь поредела вдвое. Алла торжествовала. Она подавала котлеты с картофельным пюре, поливая их подливой, которая выглядела слишком жидкой, но пахла чесноком. Чеснок раздражал сильнее её ухмылки: к такой подливе люди пойдут даже с жидкой порцией. Мясо, картошка, место на плите — всё у Аллы было. Меня же от конфорок отрезали, и теперь у моего окна считали сухари. Тем, кому супа было мало, я сам показывал на обычную раздачу. Смена начнётся вовремя; ради моей войны с заведующей рабочий голодать не обязан.

Жалобу Шепелева положит в стол. За просьбу дать «хоть немного обрести» заставит кланяться, а завтра отберёт и эту подачку. Я уже видел, как она распоряжается конфорками. Давать ей теперь ещё и власть над каждой моей порцией не собирался.

Мне нужно было сырьё. Много сырья. И завтра оно должно быть здесь, до открытия.

Вечер выдался серым. Дождь моросил, размывая пыль на дорожках района. Столовая закрылась, персонал разошёлся по общежитиям и квартирам. Я задержался: прежде чем идти за сырьём, надо было пересчитать свои запасы.

Лодкин открыл подсобку, и мы проверили отведённые мне полки и холодильный шкаф. В одной из двух банок топлёного масла уровень опустился: вчера из неё ушли сто граммов. Грибной пакет после супа стал легче. В мешке муки оставался запас, но край уже сворачивали ниже; специи отмеряли ложкой, не горстью. Отдельно стоял вчерашний вытопленный жир — его на глазурь с яблочным рассолом пускать не собирался.

Тамара забрала лист расхода.

— Пять процентов не забудь, Марк. Считать, принимать, цену проводить — я здесь не для красоты сижу.

— Помню. Продажные деньги у тебя, мои чайные отдельно. С тобой рассчитаюсь по нашей записи.

Сегодняшнюю её долю записали в мой расчётный лист. Суп и последние десять порций прошли через общую кассу; новых чаевых я не собрал. После закрытия ещё предстояло идти к Зине: салфетки обещал, вчера отложил. Показал ей два простых сгиба на чистой салфетке, пока Лодкин заканчивал обход. Она повторила второй, придирчиво разровняла край.

— Ну вот, не сбежал всё-таки. А полотенца завтра опять понадобятся?

— Понадобятся. Только с чистыми руками приду.

— Ты и сегодня пришёл с чистыми. Я проверила, — ответила Зина и спрятала улыбку.

Ушёл от неё, всё ещё думая о пустой полке. Масло и мука помогут довести блюдо. Но на завтрашний обед нужна новая мясная закладка.

Вышел в ночь, на ходу поправляя сбившуюся шапку. Куртку оставил распахнутой. Держал руки в карманах; в одном нащупал холодную металлическую зажигалку и сжал её. После дня, когда готовое кончилось раньше очереди, всё ещё хотелось чем-нибудь занять руки.

Пошёл к почте. Нужен был Матвей.

Через него проходили письма, посылки, бандероли со всего района. Кому присылают деньги, кому товары, кто с кем переписывается — почтальон знал столько, что хватило бы на несколько чужих жизней. А мне требовалось узнать, где найти дешёвую обреза и кто может её привезти.

Отделение помещалось в пристрое жилого дома. Даже в десять вечера там горел свет. За барьером Матвей разбирал стопку газет «Правда». Когда вошёл, он поднял голову; очки сползли к кончику носа.

— Лагутин? — Матвей посмотрел на часы над дверью. — Ты чего в такое время? Почта закрыта. Приём отправлений до восьми, а я всё с газетами сижу. Опять не разойтись.

— Матвей, я к тебе. Поговорить надо. Подскажешь кое-что?

Он хмыкнул и отложил газеты. Матвей смотрел на меня поверх очков. Выдержал паузу, давая ему прикинуть, с чем пожаловал поварёнок ночью.

— Поговорить-то можно. Садись, раз пришёл. — Он подвинул табурет носком. — Только ты учти, парень: за спасибо мне ноги лечить не станут. Спина ноет, а бдительность в горле сидит. Выкладывай, что тебе надобно.

— Мясо. Или обреза. Что на витрину не положишь, а в казан — в самый раз.

Матвей поправил очки и посмотрел на меня поверх оправы.

— Ты про окно говоришь? Про твои шкварки? Слухи летают быстрее писем, Марк. Весь район знает, что у тебя там «фасоль из воздуха» растёт. А начальство шипит.

— Пусть шипит. У них мясо есть. У меня завтра люди придут с ложками, а класть в тарелку нечего.

Положил на прилавок свёрток и развернул края бумаги: баночка домашней аджики из оставшегося перца и томатов, рядом три сухаря, натёртые чесноком. Из уже принятых заготовок; новую банку ради этого визита ночью я не варил. Матвей придвинул свёрток к себе, оттеснив им стопку газет.

— Это тебе. Для жены. Скажешь, сам пробовал рецепт.

Отвернул крышку, чтобы он мог понюхать. Матвей наклонился к баночке, втянул воздух и откинул голову.

— Ух. Остро. — Он отодвинул баночку, будто та могла укусить. — Хорошо. Ну, давай, рассказывай, что ты хочешь от старой почты.

Прикрутил крышку и оставил баночку на бумаге.

— Завтра утром, до открытия столовой, мне нужны сорок килограммов обрез. Субпродукты, головы, ножки, кожа, жилка. То, что после разделки в мясном магазине в витрину не кладут. Свежее, Матвей. С полом и мусорным ведром дел не имею.

Матвей убрал руку со свёртка.

— Неликвид — это не бесплатно, Марк. Унесёшь без бумаги — воровство. Меня уволят. Тебя посадят. Пойми, я тут двадцать лет отсидел. У меня пенсия на носу.

— Словом «неликвид» чужое мясо моим не станет. Мне нужен человек, который отпустит съедобную обрезь столовой и даст бумагу на вес. Не из списанного мусора. Ты знаешь такого?

Он прищурился. Пришлось говорить про людей, которых он знал.

— Ты знаешь грузчиков с базы. Тех, что возят коробки в магазины. У них через руки всё проходит: кривые огурцы, лук, мясная обрезь. Кто отпускает, кто возит, где можно забрать до того, как пригодное смешают с отходами. Мне бы через них выйти на мясника.

— Через меня, значит? И куда они с этим добром пойдут?

— Сюда, во двор. Здесь машину ночью не запирают за воротами базы. Тару дадим чистую, внутри пищевые вкладыши. Мне не почтовая посылка нужна, а встреча с грузчиками.

— И накладную почтальон тебе выпишет? — Матвей снял очки. — Я их знать знаю. Мясник утром отгрузит, если в столовой примут. Деньги за товар — через кассу, не ко мне. Ты это понимаешь?

— Понимаю. Принесёте бумагу — Тамара проведёт поступление. Без неё хоть сорок мешков привезите, в казан не положу.

Матвей забрал очки со стола.

— Позвоню. Только слушай: они возят после своей разгрузки, на чужом горбу бесплатно не поедешь.

Матвей молчал. Дождь барабанил по крыше пристроя; за барьером всё ещё лежали отложенные газеты.

— Умный ты мальчик, — сказал он наконец. — Для поварёнка слишком. Только если узнают, с почты спросят. Ты дальше готовить пойдёшь, а я что скажу?

— Что свёл повара с поставщиком. Ты ведь мне уже сказал: тебя уволят, меня посадят. Я услышал. Поэтому не прошу воровать. У меня завтра люди придут к окну, а кормить нечем. За помощь накормлю тебя. Шкварки, свежие сухари, чай с лимоном — договоримся.

Матвей всё ещё смотрел на меня, и я договорил:

— Про Фурсова и списания и без меня по району говорят. Я хочу, чтобы завтра говорили про еду. Ты двоих знаешь, я накормлю двоих и оплачу доставку. До чужих писем мне дела нет.

— Вот и не лезь в чужие письма, — проворчал Матвей. — С соседями так не начинают. Еду мне покажи, и ладно.

Он вздохнул и поморщился.

— Грузчики к шести утра придут. Ждать будут у заднего двора почты. Сумки заберёшь сам. Расчёт — аджика и пять рублей наличными на двоих за доставку. На завтра. Дальше сам с ними договоришься, ежедневно за тебя подписываться не буду. Плюс твой «фирменный» ужин для меня раз в неделю. Жена пусть рядом сидит, а то обидится, что мне одному достаётся.

— Договорились.

Протянул руку через барьер. Матвей сжал её сухой, шершавой ладонью и на секунду придержал, прежде чем отпустить.

— Смотри, Лагутин. К шести сам приходи. Эти ждать не станут.

— Приду.

В общежитии пахло варёной картошкой и чужим потом. До своей двери добрался мимо развешанных полотенец и чьих-то ботинок. Комната на четверых; у моего места — кровать, тумбочка, табуретка. На тумбочке стояла жестяная банка из-под чая «Букет Индии». В ней

лежали вчерашние пять рублей сорок копеек: новых денег сегодняшней суп мне не прибавил. Вынул пять рублей на доставку, сложил отдельно. Сорок копеек остались на дне. На обед их уже не потратишь: к шести надо рассчитаться с грузчиками.

Услышав возню за дверью, выглянул в коридор. Витька, мой сосед и коллега по цеху, сидел на полу, раскладывая карты на одеяле. Фартук опять в пятнах. Этот шустрый малый мечтал стать старшим на кухне, но к плите подходил только после команды; стоило замахнуться половником Шепелевой — отскакивал первым.

— Марк! — Он придержал ладонью карты, чтобы я не наступил. — Ты слышал? Алла сегодня плакала. Шепелева на неё орала. Говорила, что ты её перехитрил. Что люди стоят у тебя, хотя у неё мясо.

— Люди стоят там, где вкусно и безопасно, — ответил я, входя в комнату.

— Безопасно? — Витька придержал колоду, глядя на меня снизу вверх. — Марк, если проверка из облпита придёт, что ты скажешь? Там же не котлетами интересуются. Там ведомости, журналы, у кого ключи, кто топил печь и что написано. Шепелева-то в кабинет ушла не для того, чтобы машинку слушать.

— Когда рабочих кормить будет нечем, проверка и без нас найдёт дорогу. А сейчас есть способ достать еду. Завтра получим сорок кило обрезки. Хочешь со мной поработать?

Витька замер, выпустив карты на одеяло.

— Поработать? Ты меня возьмёшь?

— На глазурь. Чеснока понадобится много, головки придётся чистить заранее, потом мелко резать. Я сделаю эмульсию из рассола от мочёных яблок и масла. Поможешь — покажу, как кислотность подбирать, чтобы чеснок чувствовался, а рассол всё остальное не забивал. И как понять, когда эмульсия держит, а когда вот-вот отслоится. Только за тебя твою часть делать не буду. Берёшься — работаешь. Нет — забудь.

Витька схватил свой нож. За такую науку он, кажется, готов был весь мешок перечистить.

— Давай чеснок. Только ты покажи, а то нарежу не так, потом ругаться будешь.

— В комнате не будем. И к печи без допуска не пойдём. Сейчас к Лодкину: если пустит подготовить основу, сделаем. Нет — встанем раньше утром.

Ефим Степанович ещё обходил котельную. Выслушал нас у двери, затем отвёл к кабинету. Шепелева задержалась над бумагами.

— Он новую варку не просит, — сказал Лодкин. — Чеснок порезать и смесь для подачи сделать. Дежурный я. На газ не подойдут.

— Вы с ним всю ночь сидеть собираетесь?

— Час на подготовку. Потом он оставит всё в холодильнике и уйдёт. На утро сырьё привезут по накладной; приёмка моя, расчёт Тамарин.

Заведующая оторвалась от машинки.

— Новую ночную варку я не подписала. Это не забывайте. Подготовку — отметьте в журнале. По сырью сначала документы и осмотр, потом казан. Никаких мешков без записи.

— Так и сделаем, — ответил я.

Она взяла наш расчёт, над ночной закладкой провела жирную черту, а рядом приписала разрешённую подготовку и поставила подпись. Супа от этой подписи не прибавится. Зато есть стол, свет и час на работу.

После полуночи пришли в цех. Лодкин открыл его сам и сверил часы. За час показал Витьке, как мелко резать чеснок, держа пальцы согнутыми. Чем мельче и равномернее кусочки, тем легче распределить их по жиру; горечи ждём от перегрева, не от нажима ножа. Витька резал аккуратно, сосредоточенно, высунув язык; старался повторить движение ножа. За хлебом он уже научился следить, нож держал лучше со вчерашнего урока. Теперь впервые помог мне довести вкус соуса. Объяснения закончились, и дальше мы работали молча. Только нож шуршал по доске да булькала вода в чайнике.

К часу ночи сделали небольшую пробу. Пахло чесноком и пряностями, с лёгкой яблочной сладостью. Остудил каплю на ложке и попробовал глазурь. Во вкусе нашлось всё, ради чего мы задержались: кислота, чеснок, масло. Шкварки такая глазурь не заглушит. Пробу больше не грели: яблочный рассол отдельно, нарезанный чеснок отдельно, масло в своей посуде. Для полноценной подачи смесь соединю утром. Расход небольшой пробы записал; остальное закрыли и вернули в холод.

Витька задремал на табуретке, пока я убирал доски. Потряс его за плечо и помог натянуть куртку.

— В комнату идём. Здесь до утра Лодкин, не мы.

Он сонно кивнул. Ушли вдвоём; до подъёма оставалось несколько часов. Сегодня мне понадобятся его пальцы, а не подвиг спящего ученика над ножом.

В шесть утра у заднего двора почты было ещё темно. Я ждал у ворот, зябко переминаясь на сыром асфальте. Пять рублей отложены, основа для глазури приготовлена — теперь бы получить обещанную обрезь.

В темноте зашуршали шины. У ворот остановился грузовик ГАЗ. Из кабины выбрались двое в телогрейках, за ними спустился Матвей, придерживаясь за поручень.

— Принесли. Принимай, пока мы здесь, — буркнул грузчик и поставил на землю три большие холщовые сумки. На дне каждой лежал плотный пищевой вкладыш; снаружи ткань намочила от мороси. Грузчик опускал их обеими руками; под сумки подложил деревянную планку с борта.

— Тара чистая, не из-под белья, — сказал он. — Накладную внутри не ищи. Она у меня.

Открыл верхнюю. Куриные головы, свиные уши, обрезки говядины, сало с мясными прожилками. Пришлось нагнуться, чтобы разглядеть содержимое в темноте. Сумки привезли из холода; от мяса тянуло свежим сырым запахом, не кислым. Окончательно принимать будем при свете, на весах.

— Считай, — сказал Матвей. — Мы привезли, как договаривались, теперь твоя очередь проверить.

— Проверю вес в столовой. Если меньше сорока, завтра довезёте. Забираю.

Грузчики разделили мои пять рублей за доставку. Пакеты с сухарями отдал им обоим. Матвей вернул мне сложенную накладную: сырьё отпускали столовой, товарный расчёт предстояло провести Тамаре. Пять рублей покупали дорогу, не сорок килограммов мяса.

Один грузчик помог довести сумки до бокового входа на ручной тележке. После короткого сна груз всё равно тянул к земле; сам бы тащил его в несколько заходов. Под колёсами хлюпала вода, у водостока держался тонкий лёд. У двери нас перехватила Раиса Шепелева.

Закутанная в пуховый платок, она стояла на пути с фонариком. Подняла его к моему лицу; пришлось щуриться, чтобы видеть её поверх светового пятна.

— Стоять! — Голос у неё был сухой, треснувший от утреннего холода, но такой же приказной, как вчера в зале. — Что несёшь?

Поставил тележку у стены. Сумки остались на ней: вываливать чистую тару под сапоги я не собирался.

— Сырьё по накладной. Лодкин примет, Тамара проведёт. Вчера при вас договорились. Пропустите, Раиса Петровна, в холод поставить надо.

Она шагнула к тележке и упёрлась сапогом в колесо.

— На территорию столовой чужое без акта приёма-передачи не вносится. Ты правила внутреннего распорядка читал? Или тебе одному они не указ?

— Читал. Вот бумага. Это товар для кухни, не личная передача. Грузчик ещё здесь; можно спросить, откуда привёз.

— Вот и покажи, какое у тебя сырьё. Открывай.

Потянул край вкладыша, показал верхние куски.

— Здесь свет плохой. Примем на столе, при вас. Каждый кусок осмотрим. Если негодное — вернём поставщику, людям не отдам.

— Ты теперь ещё и снабженец?

— Я повар, которому вчера оставили кости. Нашёл свежую обрезь. Вес, поставщик, цена — здесь. За приёмку отвечает Лодкин, за деньги Тамара. Вы можете запретить эту партию, только тогда напишите отказ на бумаге. Грузчик заберёт товар обратно и передаст, почему столовая от него отказалась.

Она задержалась у тележки. Позади меня грузчик терпеливо держал второй экземпляр накладной. Здесь уже не получалось приказать выбросить безымянный ящик. Поставщику пришлось бы вернуть товар, Лодкину — объяснить отказ, Тамаре — перечеркнуть подготовленное поступление. Она прочла первую строку, затем имя поставщика. Я молчал: пусть теперь спорит с тем, что держит в руке.

Глава 2

Шепелева отступила.

Платок съехал с её плеча; Шепелева перехватила его, снова замотала подбородок.

— Принимайте. Но испортится хоть кусок — ответишь, Лагутин. И чтобы вся выдача через кассу!

Покатил тележку внутрь. От Шепелевой пахло дешёвым синтетическим шипром; свежее сырьё пахло кровью и железом. Лодкин уже ждал с ключами, Тамара пришла на раннюю приёмку. При свете разложили сырьё по чистым ёмкостям, осмотрели и взвесили. Сорок килограммов сошлись. Накладную подписали принимающие, Шепелева отметила допуск принятой партии к приготовлению на дровяной печи, с выдачей по записанному расходу. Стоимость сырья внесли в расчёт столовой; доставку из моих денег второй раз туда не включали. Грузчик забрал свой экземпляр и покатил пустую тележку обратно к машине.

После приёмки основную часть сразу поставили в холод; на столе оставили только первую закладку.

С утра пришлось работать сразу с несколькими партиями.

К восьми разобрал первую закладку. Из сорока килограммов восемь отвесили на сегодняшние шкварки: сало с мясными прослойками. Остальное лежало отдельно в холоде. Свиные уши и говяжья обрезь ещё дадут другие блюда, но не мгновенный хруст. Головы после зачистки отвёл на бульон; до варки их не вынимали из шкафа. Жилы и хрящи тоже оставались на долгую работу. Для всего требовался свой жар и своё время — одного казана на сорок килограммов не хватит.

Лодкин растопил печь, Галка помогла с досками и холодом. Витька резал уже зачищенное сало под моим присмотром. После сырой работы сменили доски, вымыли ножи и руки, убрали фартуки. К готовой еде подошли чистыми.

Жарил небольшими закладками, в четыре приёма. Два килограмма ложились в казан свободно: можно провести лопаткой по дну, а не толкать мокрую гору. Сперва вытопил жир на умеренном жару, затем прибавил. Лодкин уже ждал моего кивка, держа полено у дверцы.

— Сейчас? — спросил он.

Прислушался к казану. Влажное шипение уходило, появлялся короткий сухой треск.

— Сейчас. Только ненадолго.

Корочка пошла золотом. Поднял один кусочек, остудил на ложке, разломил. Тонкая мясная полоска легко разошлась, жир под коркой стал прозрачным. Попробовал: соль ещё нужна, зато жар взят верно. Витька подошёл ближе и так посмотрел на ложку, что я засмеялся.

— Тебе отдельно дам. Эту я уже пробовал.

— Я только посмотреть хотел.

— Угу. Ртом.

Он приснул и взял чистую ложку. Первую горячую шкварку проглотил слишком быстро, вторую уже жевал, прислушиваясь к хрусту. Я снял готовое на чистый противень; Лодкин принёс следующую отмеренную закладку.

К началу раздачи четыре партии из восьми килограммов дали пять с небольшим готовых шкварок; вес выхода записали без тары, вытопленный жир слили отдельно. Тамара рассчитала сегодняшнюю цену с учётом новой накладной: шестьдесят копеек за сто граммов и сухарь. Продажных порций хватало на пятьдесят, чуть больше ста граммов оставили для пробы. Я не мог обещать каждому по три тарелки: за первыми десятью заказами уже пришлось считать остаток.

Во время разделки, когда кромка начинала тянуть жилу, брал мусат и правил рабочий нож. Несколько привычных проходов по стали — и можно продолжать. Лодкина «Заря» так и оставалась под замком: сегодняшнюю партию резал своим столовским клинком.

Алла Шепелева увидела первые горячие противни. Побледнела, потом залилась краской и побежала в кабинет тёти.

Через десять минут Шепелева вышла в зал. У моей витрины уже стояли первые тарелки жареного сала с чесночной глазурью. Я подхватывал готовые шкварки деревянной лопаткой с тёплого противня; горячий чесночный пар бил в лицо. Заведующая подошла вплотную.

— Закрой лавочку, Марк, — сказала она тихо, чтобы слышал только я. — Это незаконная торговля. Напишу докладную директору комбината питания — тебя уволят. Ты понял?

— Пишите, — ответил я, подхватывая лопаткой следующую шкварку. — Партия вами допущена, чек будет у каждого. Пока вы пишете, я закончу горячую подачу. Люди запомнят, кто их накормил.

— Думаешь, они за тебя вступятся?

— Думаю, голодного человека сначала надо накормить, а потом требовать, чтобы он вас слушал. Дайте ему нормальный обед, Раиса Петровна. Сами попробуйте, что у Аллы выходит, когда она фарш мукой разводит.

Шепелева сжала губы и ушла в кабинет. Дверь хлопнула.

К десяти утра у малого стола собралась очередь. У Аллы обычная раздача продолжалась; люди выбирали, а не бросали целый обед ради моей закуски.

Люди стояли, толкались, спорили. Запах жареного сала перебивал всё остальное. Даже аромат котлет Аллы казался блёклым на фоне этой мощи.

— Две порции! — крикнул мужик в каске, ещё и не снял, с дорожной пылью на плечах. — Мне одну с чесноком покрепче, вторую жене заберу. Завернуть можно?

— Можно. Только сначала два чека у Тamarы, потом скажите Зое, что с собой. Чеснока добавлю, жиру лишнего не налью.

— Три! — Женщина в платке сунула трёшку вперёд. — У меня двое пацанов, не мелочись.

— Всем по сто граммов, — ответил я. — Деньги Тамаре, она сдачу даст. Тарелку с горой мне потом по чеку не провести.

— А соленья есть? — спросил кто-то сзади. — Салатик какой? Под жирное-то хорошо бы.

Солений у меня не было. Но был рассол от мочёных яблок, который я использовал в глазурь. Я добавлял его в смесь понемногу, пробуя отдельной ложкой, и покрывал готовые шкварки тонким слоем. Это был секретный ингредиент. Кислинка, которая очищала рецепторы и вызывала желание съесть ещё.

Зоя Минеева проходила мимо с подносами. Она остановилась у моего стола.

— Сколько заказов в час ты делаешь? — спросила она, не отводя глаз от очереди.

— Больше, чем я могу физически обслужить один.

— Тогда нужен конвейер.

Она взяла стопку чистых подносов и поставила их на край витрины. Подносы легли рядом с моими тарелками; теперь их можно было брать, не отходя от окна.

Зоя отвела взгляд и осталась у стола, наблюдая, как я раскладываю порции.

— Ты можешь помогать мне принимать заказы, — сказал я. — Устно. Я буду запоминать.

— Я официантка зала, Марк Сергеевич. Мне нельзя выходить на раздачу. Потом спросят, куда мой сектор делся, — мне отчитываться.

— Тогда здесь и оставайся, за краем стола. Твой сектор перед тобой, ты его видишь. Чек показывают тебе, называешь мне порции. Деньги не бери, все сначала к Тамаре. Я буду подавать, ты — следить, чтобы никто второй раз с тем же чеком не встал.

— И проход свободным оставь, — добавила Зоя. — Мне ещё за обычной раздачей посуду собирать.

— Оставлю. Подносы переставим к колонне, хвост вдоль стены. Не поперёк зала.

Зоя чуть улыбнулась и осталась у стола. Подносы теперь были под рукой; я успевал разложить шкварки и сразу взяться за следующий заказ.

К полудню закончились сухари. Очередь ждала, а подкладывать под горячее мясо уже нечего.

— У кого хлеб есть? — крикнул я в зал. — Нужна буханка, здесь ещё мясо осталось! Деньги за неё вернём, не за спасибо прошу.

Люди переглядывались, но уходить из очереди за буханкой никому не хотелось. Зина, прачка, всё же вышла вперёд: под мышкой несла свежую белую буханку из булочной напротив.

— Держи, Марк. Режь. Я в булочной на углу взяла. Тёплый ещё, корка не обсохла. У тебя тут уже люди заждались.

— Спасибо, Зина. Зой, отведи её к Тамаре, пусть запишут, сколько хлеб стоил. Мне чужую буханку за спасибо брать неловко.

— Отведи! — Зина прижала буханку к себе. — Я сама дойду. А пока запишете, она же остынет. На, сперва режь, потом разберёмся.

Зина оставила хлеб на чистом краю. Зоя показала ей, где Тамара; хлеб приняли отдельно с ценой, деньги за покупку вернули через кассу, не обменивая буханку на самовольные порции. После сырых заготовок у меня уже лежала другая, чистая доска для хлеба. На неё положил буханку и нарезал. От мягкого мякиша потянуло дрожжами, запах смешался с жареным салом. За ломтиками сразу потянулись через стол.

Из конца очереди подошли ещё двое. Мужчина поставил на край пакет с яйцами, женщина принесла банку квашеной капусты.

— Это вам за шкварки. Жена вчера успела взять, сказала, вкусные получились. Велела передать. — Мужчина почесал затылок, не зная, куда деть руки после пакета. — Только не в счёт обеда, вы не подумайте. Чек я сам куплю. Это вам.

— А капуста своя, домашняя, — подхватила женщина. — Мы вчера слышали, как у вас тут народ хвалил. Вот и принесли. Возьмите, попробуете, а то муж дома банку увидит — сам съест. Мне её опять от него прятать. Он без хлеба может, а без капусты нет.

С ножом над хлебом я помедлил. Они принесли продукты мне, благодарили за еду. Зоя уже записывала в тетради: «Иванов — яйца, Петрова — капуста». Подарки забрали с прилавка на отдельное место; к готовым порциям сырые яйца не прислоняли. Их потом осмотрим и решим, куда употребить, а капусту сперва попробую. В продажный выход сегодняшней партии ни то ни другое не входило. Оба ждали, пока я освобожусь от хлеба.

— Спасибо вам. Обязательно попробую.

Перевёл взгляд с яиц на капусту. Вчера кормил этих людей я; сегодня они сами принесли еду к моему окну. Район начал кормить меня.

К вечеру столовая затихла. Считал свои «чайные», складывая деньги в жестяную банку из-под чая. Мятые купюры расправлял, мелочь собирал со стола по одной монете.

Была и новая десятка — гладкая, с водяными знаками. Под неё положил три рубля, остальное набралось монетами.

Всего четырнадцать рублей сорок копеек.

Из прежних денег оставалось сорок копеек. За сегодняшний день посетители оставили в банке пятнадцать рублей пятьдесят копеек; Тамаре отдал рубль пятьдесят — пять процентов от тридцати рублей сегодняшней продажи шкварок. За вчерашний суп и резерв её долю пока оставили в расчётном листе, до следующего расчёта. После выплаты в банке лежали четырнадцать сорок. Продажные тридцать рублей остались в столовской кассе. Чайные дадут мне две доставки вперёд и ещё деньги на тару; за сырьё столовая рассчитывалась отдельно.

Подержал банку на ладони, чувствуя её вес, потом поставил возле своих вещей. Вымыл руки и взялся мыть чугуна.

Лодкин зашёл в кухню. Посмотрел на банку, потом на меня.

— Красиво звенит. Как колокольчик. Только далеко слышно, Марк.

— Это мои чайные, Ефим Степанович. Касса у Тамары. Но для доставки уже не надо просить.

— Касса — это ещё и бумага. А тут пока железо и медь. За каждый рубль спросят, откуда взялся.

— Знаю. И куда их завтра потратить, тоже знаю. А домой банка в сумке под курткой доедет, не звеня на весь коридор.

Лодкин хмыкнул и подошёл к печи проверить заслонку.

— Завтра к шести приходи. Я до тебя приду, печь проверю. Сегодняшнее сырьё в холоде, на утро остатки записаны. Новое без приёмки не бери. Чтобы ты с утра готовил, а не чужие сумки караулил.

Он ушёл.

Оставшись один в тёмной кухне, снял с банки крышку. Под купюрами нащупал холодный металл монет.

На стук открыл кухонную дверь. Алла стояла на пороге в помятой форме, растрёпанная, с красными глазами. Посторонился, но она так и осталась у входа.

— Ты... ты победил, — выдавила она. — У твоего окна все стояли.

— Алла, ты за этим пришла? В такой час?

— Тётя в облпит написала. Сегодня вечером. Про тебя. — Она прижала руки к фартуку, будто пыталась разглядеть его пальцами.

За спиной оставался недомытый чугуна и открытая банка с деньгами. Алла говорила всё тише; придержал дверь, чтобы та не хлопнула между нами.

— Что написала?

— Что ты спекулируешь. Государственную собственность крадёшь. Донос, Марк. Она так и пишет: крадёшь.

— Крадёшь? Так и написала?

Алла кивнула. Отпустил дверь, дал ей остановиться у стены. Ладонь вытер о фартук. Вот тебе и четырнадцать сорок на доставку. Утром продукты ещё будут в холоде, но объяснять, откуда их взял, придётся уже по этому письму.

— И что теперь?

— Хочет, чтобы я подтвердила. Ты здесь работаешь, говорит, всё видишь. Напишешь, что Лагутин самовольно торгует. — Голос сорвался на последнем слове. Алла шмыгнула носом, отвела взгляд.

Алла мяла край формы.

— А я ей что? Завтра ведь спросит, написала я или нет.

— Ты это сделаешь?

Алла помолчала.

— Она ведь моя тётя.

— Знаю. Но письмо про меня. Что ты ей ответишь?

Алла отвернулась к столу. Подождал, пока она повернётся обратно.

Она посмотрела на банку, на монеты, потом на свои пустые руки.

— Я хочу есть, Марк.

Вымыл руки после банки и дверной ручки, сменил фартук. Повернулся к дровяной печи и достал сковороду. Из отдельно охлаждённого пробного остатка достал последнюю шкварку. Проверил бирку, положил её разогреваться. После раздачи этот остаток сразу убрали в холод, на столе весь вечер он не лежал. Алла осталась у порога, следила за сковородой.

— От пробы одна осталась, — предупредил её. — Сейчас согрею.

— Мне хватит.

Над горячим чугуном снова запахло салом. Алла подошла чуть ближе. Переложил шкварку на чистую салфетку и протянул ей.

— Держи. С печи только, осторожно.

Она взяла салфетку за край, откусила, закрыла глаза. Жевала долго, бережно удерживая остаток, потом доела его тоже.

— Вкусно, — выдохнула она. — Даже сейчас вкусно.

— Иди спать, Алла. Хватит на сегодня.

Она задержалась у двери, но про письмо больше ничего не добавила. Когда ушла, закрыл за ней и постоял в кухне. Донос отправили; об окне теперь узнают в облпите со слов Шепелевой. Завтра у раздачи снова будут ждать люди. Кормить их всё равно мне, как и отвечать проверяющим, когда те придут.

Но у меня были свои деньги. К моему окну люди возвращались за добавкой, а сегодня двое принесли яйца и капусту. Я помнил, как они ставили подарки на стол, и уже прикидывал, что подать им завтра.

Визит проверяющего мог сорвать всю раздачу. Алла срока не знала; Лодкин говорил о пятнице, но после письма могли явиться и завтра.

Высыпал содержимое банки на полотенце и пересчитал. Четырнадцать рублей сорок копеек. На следующую доставку хватит — если эти грузчики не смогут, найдём других.

Сложил деньги обратно, закрыл крышку. Монеты звякнули, когда поставил банку. Утром часть этих денег можно отложить на следующую доставку. Завтрашнее сырьё уже лежало в холоде, и к открытию я должен успеть превратить его в горячие порции. Даже если у двери уже будет стоять человек из облпита.

Семь сорок. У Аллиного окна уже грели котлеты; от казённого маргарина тянуло тяжёлым, пригорелым духом. Из кабинета Шепелевой донеслось знакомое покашливание — она курила «Приму» перед инструктажем. На покашливание я обернулся. После вчерашнего доноса ждал, что Шепелева вызовет меня ещё до открытия. Пока дверь её кабинета оставалась закрытой.

У своего дровяного угла проверил жар под чугуном. Лодкин принял печь, с Галкой достали из холода следующую отмеренную партию сала. Вчерашний допуск был дан на партию, не только на один обед; на утро Лодкин сверил остаток с Тамарой. Из сорока килограммов запас ещё оставался, но быстро таял; на полке с готовым вчерашних продажных шкварок уже не было. Уши, головы и говядина ждали своих котлов, их за сало я не выдавал. На раздачу сегодня готовил новую жарочную партию, а не разогревал весь вчерашний зал.

Тамара до открытия провела расход и выход, цену оставила ту же. Рассол от мочёных яблок пришлось отмерить бережно — банки не бездонные. Сухари Галка подготовила из отдельного хлебного запаса; расход отметили до подачи.

Через зал Алла надевала новую белую форму: крахмальный воротник, золотые пуговицы. Вчера вечером она стояла на пороге моей кухни с красными глазами и просила еды. Сегодня расправила плечи, поправила косынку и заняла место под грамотой «Лучший цех месяца». Дисциплина, порядок, уважение к старшим товарищам — я успел выучить надпись, пока таскал подносы мимо её окна. Теперь под ней будут продавать Аллины котлеты.

Хотелось окликнуть Аллу: ты-то что сказала про меня тётке? Подтвердила донос? Вчера Алла взяла у меня шкварку на салфетке, а сегодня ей предстояло позвать к себе тех же посетителей. Спрошу после раздачи, без чужих ушей. Перед открытием зала я проверил, как стоит мой стол: подсобный столик с горячими противнями стоит за моей спиной, миска с глазурью не мешает подавать. До печи — несколько шагов через открытую дверь дровяного угла; горячие котлы через очередь носить не придётся.

Алла всё ещё поправляла завязки косынки. Расправил полотенце над миской, поглядывая на неё. Если начну сейчас выяснять отношения через весь зал, Шепелевой останется только выйти и послушать.

Алла чуть прищурилась, разглядывая мои кастрюли. На лице появилась жалостливая улыбка: вот, мол, куда тебя загнали, а у меня новая форма и грамота над окном.

— Ты опоздал на инструктаж, Лагутин, — крикнула она через зал. — Или тебе теперь отдельно рассказывать?

Вместо ответа достал из-под полотенца миску с основой глазури. Чеснок, рассол от мочёных яблок, топлёное масло и щепотка соли. В котёл шла часть, остальное стояло рядом: буду подмешивать по ходу раздачи. Довести смесь можно за минуту. Пусть Алла красуется под грамотой; люди подойдут к её окну, потом почувствуют чеснок и посмотрят, что у меня. К этому времени порции должны быть готовы.

Зоя Минеева прошла к своему сектору и поставила рядом со мной стопку чистых подносов.

— Здесь оставляю, Марк. Чтобы во время раздачи через весь зал за ними не бегать.

Придержал стопку, пока она убирала пальцы; на миг коснулся её руки. Зоя стояла близко, от неё пахло свежим мылом. Хотелось задержать её хоть вопросом о подносах, но она уже посмотрела в сторону своего сектора.

— Спасибо. Здесь удобно, — сказал я, отпуская стопку.

Она пошла дальше. Подносы остались под рукой, и работать рядом с её сектором стало как-то легче.

Из кабинета вышла Раиса Петровна с расстёгнутым пиджаком. Оглядев зал, она подняла указательный палец, требуя внимания.

— Внимание, трудовой коллектив! — её голос разнесся от стен до потолка. — Сегодня мы открываем сезон повышенной ответственности. Все продукты получены по накладной, все нормы соблюдены. Никакой самовольщины. Никаких отходов на видном месте. Кто увидит грязь или мусор — пишите заявление. Я буду рада.

Она подошла к витрине. К малому столу у колонны, превращённому в прилавок. Остановилась в двух шагах. Посмотрела на мои шкварки, которые лежали ровными рядами на ржаных сухарях. На золотистую корочку. На пар, который еще не остыл.

— Фальсификат, — сказала она тихо, так, чтобы слышал я и стоявшие поблизости сотрудники. — Из помоев. Вы кормите людей отходами производства, Марк. Вам стыдно?

— Мне стыдно за то, что люди едят невкусно, — ответил я, продолжая раскладывать порции.

Шепелева усмехнулась. Повернулась к двери, ведущей в зал.

— Открывать раздачу!

Двери распахнулись. И хлынул поток.

Сегодня люди заходили медленнее, чем в утренней спешке перед работой: оглядывались, выбирали, где взять поднос. Можно было наконец поесть. Столовая номер четыре завода имени Дзержинского работала для тех, кому негде поесть нормально. Для водителей, грузчиков, диспетчеров. Для бабушек, которые забежали по дороге домой и тоже хотели горячего обеда.

У входа люди замедлили шаг: два окна, два запаха. Слева у Аллы — белая форма, грамота и котлеты по ГОСТу. Справа у меня — ржаные сухари, шкварки под глазурью и чеснок, который слышно ещё до прилавка.

Первые трое пошли к Алле. Один привычно потянул за собой приятеля: там всё понятно, котлета и суп. Следом остановился полный мужчина в засаленной куртке. Он посмотрел на Аллины подносы, потом на мою витрину и шумно втянул воздух.

— Чего там дают? — спросил он у соседа, кивнув на Аллину раздачу.

— Котлеты. Мясо, — ответил тот, придерживая поднос.

— А тут?

— Шкварки. Из обреза.

— Вижу, что не котлеты. Они горячие?

— Горячие, — ответил я. — Шестьдесят копеек, сто граммов и сухарь. Возьмёте — сами скажете.

Мужчина хмыкнул, но свернул ко мне. За его спиной перемялись ещё двое. Один поглядел на Аллины котлеты, другой уже следил, как я готовлю порцию. От чеснока тянуло так, что у меня самого свело пустой желудок. Алла увидела их от своего окна и повысила голос:

— Граждане покупатели! Очередь здесь! Котлеты свежие, горячие, из аппарата!

Она размахивала половником, как дирижёр палочкой.

Мужчина вернулся от Тамары с чеком. Уложил на тарелку взвешенную порцию: три крупных шкварки и ещё небольшой кусочек до ста граммов. Сухарь взял щипцами, мясо покрыл глазурью. Сверху добавил немного вчерашней подаренной капусты — утром её отдельно проверили, попробовали и приняли для подачи. Кислота хорошо подходила к жирному мясу.

Поставил тарелку на его поднос. Мужчина придержал его обеими руками и вопросительно посмотрел на меня.

— Пробуйте, горячие ещё.

Он откусил от одной шкварки. Хруст донёсся до первых рядов очереди. Несколько человек перестали разговаривать и смотрели, как он жуёт. Мужчина зажмурился, потом оглядел свою тарелку: три крупных куса, от одного уже откушен край, и маленький у сухаря. С этим подносом он вернулся к кассе.

— Добавку мне пробейте. За свои беру, ещё порцию.

У окна Аллы люди стали оборачиваться. Кто-то из уже получивших котлеты поглядывал на шкварки; один едок доел свой обед и спросил соседа, стоит ли взять ещё. У Аллы продолжали покупать, но передо мной тоже собирались люди. Мне не нужно было выкинуть её еду из каждой тарелки. Достаточно, что возвращались за моей. Я снова взялся за порции: у моего окна ждали уже пятеро, затем десять, вскоре хвост вытянулся на двадцать человек.

Шепелева подошла вплотную. От злости она побагровела и говорила сквозь зубы:

— Закрой лавочку. Сейчас же убери всё с раздачи.

— Раиса Петровна, люди стоят, обеда ждут. Вы мне велите убрать, а им куда идти?

— Им приказано есть по нормам!

— Приказано есть. Не сказано, что это должно быть невкусно.

Она развернулась и пошла к Алле. Схватила племянницу за руку и что-то зашептала ей. Алла заплакала беззвучно, одними плечами. В её взгляде была ненависть обманутого человека: будто я обязан был уступить и теперь её предал.

Она ещё смотрела на меня, а я уже подхватил следующий поднос: у моего окна ждали голодные люди.

За спиной стояла миска с чистой основой глазури. В старом алюминиевом котле я держал только рабочую часть; неполитые шкварки оставались на отдельном тёплом противне. Сходил к печи размешать соус. Котёл оставил на краю решётки; Лодкин отвёл угли в сторону, но рядом ещё догорало полено. До стола несколько шагов, а подносы уже ждали — вернулся подавать. Передал очередную тарелку Зое, потянулся за следующей.

Вдруг что-то пошло не так.

Запах изменился. Резко. Кисло. Горело.

Я повернулся к котлу. Глазурь. Она начинала пригорать. Чеснок, который должен был дать аромат, стал давать горечь. Последняя проба была чистой; запах ударил, когда я вернулся от подносов. Котёл, старый, алюминиевый, попал краем над открытым жаром, пока я подавал порции.

Кусочки глазури темнели. Чернели. Запах гари ударил в нос первым же покупателям.

— Что это воняет? — мужчина с добавкой отставил поднос, покосился на тарелку, потом на котёл. — Это у вас что, горит?

Глава 3

— Соус. Вашу тарелку не трогал, там прежняя чистая глазурь. Сейчас новую сделаю.

Уши похолодели, во рту пересохло. Если сейчас начнется скандал, если Шепелева поднимет шум...

У Аллы очередь начала расти. Кто спешил к смене, уходил туда с пустым подносом. Алла сразу повысила голос:

— Свежие котлеты! Нормальный продукт! Сюда, сюда подходите! У меня всё по ГОСТу, ни горечи вам, ни запаха!

Мой хвост рассыпался. Три человека ушли. Потом еще пять.

У края дна уже пристала чёрная корка. Подцепил каплю чистой ложкой, остудил — горечь. Эту глазурь людям не отдашь. Ложку отложил к грязной посуде.

Захотелось с размаху швырнуть котёл в мойку. Вместо этого пригляделся к стоявшей рядом чистой основе: её ещё можно было пустить в дело.

— Витька, снимай котёл с решётки. Не скреби дно, унеси в сторону. Зоя, задержи подносы на минуту, людям не давай к столу лезть.

— Задержу, — ответила она. — Только на минуту, Марк. У них смена начинается, я дольше не удержу.

Витька снял котёл через сухое полотенце и поставил на свободную решётку в стороне от жара. Я взял чистую сковороду и миску с оставшейся основой. Шкварки стояли отдельно, ещё не политые, — мясо мы не потеряли. Потеряли один котёл соуса. Не обед.

— Что ты делаешь? — заорала Шепелева. Она уже была здесь, посреди зала, между двумя очередями. — Портишь продукт! Это саботаж, ты понимаешь?! Это статья!

— Горелое в сторону, — сказал я. — Этим кормить не буду.

— А чем будешь? Водой?! Марк Сергеевич, вы меня слышите?!

Взял банку с рассолом от мочёных яблок. Янтарная жидкость легла в чистую сковороду, зашипела. Сильный огонь ей не нужен: я сдвинул сковороду к краю печи. Влил оставшуюся основу тонкой струйкой и взял венчик. Не со дна горелого котла — с чистого стола.

Витька стоял рядом с пустым подносом, бледный от злости.

— Мешать? — спросил он, уже потянувшись к венчику. — Давай я, у тебя руки заняты.

— Я мешаю. Ты держи сковороду через полотенце. Не дай съехать к огню. Сдвинется — и всё заново. Ефим Степанович, уберите это полено подальше от края.

Лодкин кочергой отвёл полено в глубину топки. Витька удерживал ручку и противоположный край сковороды через сложенные сухие полотенца. Венчик коротко шуршал по дну. Рассол связал тёплое масло с чесночной основой; глазурь стала светлее, легла на ложку тонкой блестящей плёнкой. Я перестал взбивать, как только на краях начали собираться пузырьки. Ещё минута — и пришлось бы спасать уже вторую партию.

Люди замерли. Они смотрели на мои руки, на Витьку, державшего сковороду, на чёрный котёл в стороне. Зоя стояла у малого стола, задерживая новые подносы. Из зала было видно, как мы работаем у открытой двери дровяного угла; покупатели к печи не проходили.

— Вот этот уберите, — Шепелева ткнула в котёл. — Пусть все видят, что вы сожгли!

— Пусть видят, — ответил я. — И что в тарелку я его не положил.

Я остудил каплю в ложке и попробовал. Яблочная кислота пришла первой, затем чеснок, мягкий жир и соль. Без гари. Глазурь вышла легче прежней: после неё хотелось откусить ещё, а не запить жир кипятком.

Витька наклонился к ложке, надеясь получить пробу.

— Потом, Вить. Дай сначала очередь накормить, люди уже ждут.

Он выдохнул и поставил сковороду на подставку. Я взял чистую ложку, набрал немного глазури и для очереди поднял её над сковородой: капля вытянулась и медленно упала обратно. У витрины следили за ней и за мной.

— Пробную шкварку дам бесплатно. Из пробы, не из оплаченных порций. Попробуете — тогда решайте, брать или нет.

Пробный остаток мы утром отвесили отдельно. Тамаре показал, сколько возьму, и дождался её отметки. На чужой обед в кассе рукой махать не собирался.

Люди повернулись ко мне. В конце хвоста стояла маленькая женщина в платке. Пока Зоя останавливала подносы, она жаловалась соседке, что ещё за молоком для внука не сходила. Указал на неё.

— Бабушка, подойдите, пожалуйста. Да, вас зову. Очередь пропустит, я сам предложил.

— Мне ведь молока только... — она растерянно оглянулась на соседей.

— Успеете. Сначала попробуйте, я угощаю. Молоко в соседнем магазине, не у меня.

Очередь расступилась. Женщина добралась до витрины, дрожа протянула ладонь к салфетке. Взяв одну шкварку, обмакнул её в новую глазурь и положил на салфетку, сверху добавил немного принятой утром квашеной капусты.

— Ешьте. Горячая ещё, осторожно. Если горчит — так и говорите, здесь все услышат.

Бабушка посмотрела на Шепелеву. Та уже приготовилась вмешаться, но заметила Лодкина у двери склада. Старик стоял со скрещёнными на груди руками и смотрел на неё поверх очереди. Шепелева встретила с ним взглядом, прикусила губу. Женщина взяла шкварку и откусила. Жевала медленно; у витрины ждали, что она ответит.

Она кивнула. Один раз. Коротко.

— Вкусные, — сказала бабушка хрипло. — Мне маленькую. Я столько не съем. Большую внуку заверни, он в вечернюю смену, голодный.

— Пробу съели, а с собой — сто граммов. Зоя, помоги ей у кассы, потом завернём.

Бабушка достала кошелек и с Зоей отошла к Тамаре. Вернулась с чеком; шкварки взвесил на тарелке и переложил в поданную Зоей чистую бумагу. Бабушка прижала свёрток к себе, а мужчина за её спиной уже протягивал поднос.

— Мне двойную. Две порции, слышишь?

— Мне тоже! А с чаем можно?

— Можно, — ответил я. — Чай на обычной раздаче, всё через кассу. Только проходите дальше, дайте людям подойти.

Очередь сдвинулась к моему окну. После горелого котла люди ещё поглядывали на сковороду, но подносы один за другим тянулись ко мне. Я успевал класть шкварки, Зоя передавала бумагу для свёртков. Витька принимал подносы, пока у Аллы перед окном оставались трое покупателей.

Шепелева посмотрела туда, затем на наш стол. Люди напирали к витрине; у стены затрепачили перила.

— От поручня отойдите! — Зоя развела руки. — Вдоль стены стойте, не наваливайтесь!

Шепелева подошла к самой витрине.

— В коридор, — сказала она вполголоса. — Сейчас.

— Вить, подавай готовое с противня. Зоя, чеки и очередь на тебе. Ефим Степанович, соус с жара уберите, за печью присмотрите.

Лодкин снял сковороду на подставку; Витька взял чистую лопатку. Зоя посмотрела на весы, затем кивнула. Только тогда вышел следом за Шепелевой.

В служебном коридоре пахло дезинфекцией и канализацией. Свет мигнул; из зала донеслось требовательное «Ещё одну!». Шепелева остановилась и повернулась ко мне.

— Ты понимаешь, что сделал? Ты нарушил технологию. Ты использовал несанкционированный продукт. Ты создал конкуренцию государственной точке питания.

— Я накормил людей, — сказал я.

— Ты создал прецедент! — Шепелева сорвалась на крик. — Завтра другие придут, послезавтра вся столовая в очереди к этому... к этому твоему углу стоять будет! А у меня норматив на раздачу, у меня план по цеху. Как мне тогда работать?

— Может, стоит посмотреть, почему они идут сюда, а не туда, где у вас грамота висит?

Она стиснула зубы, достала из кармана блокнот и вырвала листок. Быстро написала несколько строк крупными буквами, протянула мне.

— Вот. Вернётся на свои конфорки. Мясо будешь получать полностью, субпродукты тоже. Что тебе для работы нужно — дадим. И премию получишь. Устраивает?

Взял листок и поднёс к свету: лампа в коридоре мигала, крупные буквы то появлялись, то пропадали. Мясо. Субпродукты. Свои конфорки. Вот бы получать сырьё так, а не бегать за каждым куском, придумывая, как получить его по документам. Премия тоже кстати. Остановился на строчке про полный отпуск: это она сейчас всё обещает, лишь бы я согласился, или действительно даст?

— Читай, читай, — поторопила она. — Я тебе работу предлагаю. Нормальную. У плиты, как полагается повару. Чем плохо?

— С мясом хорошо. И конфорки мне нужны. Только давайте сразу договоримся. А взамен что, Раиса Петровна?

— Окно закрой. Стол этот убери. Хватит людей «помоями» кормить. Работай как положено, будь примерным поварёнком. Тогда и мы пойдём навстречу.

— А те, кто у окна стоит? Им что передать?

— Пусть идут на раздачу. Для этого она и существует. Все едят, а этим вдруг особое подавай! Ты их приучил, тебе и объяснять.

Посмотрел на её покрасневшие глаза. У виска под кожей пульсировала жилка; Шепелева ждала ответа, едва сдерживая злость.

— Вы мне конфорки вернёте, а людей велите от окна отогнать. А готовить опять велите так, что они сами от раздачи отвернутся? Мне нужны и мясо, и место у плиты, спору нет. Только вот этих людей бросать ради премии я не собираюсь. Они попробовали и сами ко мне пришли. Вы сейчас хотите, чтобы я им объявил: всё, ребята, понравилось — хватит, идите ешьте что дают? Нет уж. За такое мне премии не надо.

— Тогда ты пожалеешь, — процедила она. — Я добавлю в облпит ещё одно письмо. На тебя лично. На самовольную торговлю. На нарушение санитарных норм. Тебя уволят. Тебя посадят.

— Пишите, — я вернул ей листок. — Я буду ждать проверки. Может быть, они тоже захотят попробовать шкварку.

Она забрала бумагу. Смяла её в кулаке и ушла обратно к залу.

Остался в коридоре под мигающей лампой. В трубах свистела вода; из зала позвали Витьку. Пора назад.

Вернулся в зал — у стены перекосялся деревянный поручень. Нижнее крепление вырвало, верхнее ещё держалось на болте. Люди отступили от него; Зоя завернула очередь к гардеробу, оставив проход к двери. Лодкин принес два пустых ящика и огородил повреждённый участок. Никого не задело, но ещё один нажим — и деревяшка полетит на ноги.

Витька подавал взвешенные порции с малого стола. Зоя принимала чеки, передавала ему чистые тарелки, затем отходила забрать посуду в своём секторе. Он успевал, пока не требовали сразу три заказа. Встал рядом, взял лопатку; Витька с облегчением подвинул ко мне противень.

На краю стола стояла жестяная банка из-под чая. «Букет Индии». К прежним «чайным» добавлялись новые монеты.

Мятая десятка, пятёрка, рубли и медяки.

Люди опускали деньги в банку уже после кассы. «На чай», «спасибо». Один потянулся с рублём и попросил добавку; Зоя сразу показала на Тамару.

— Добавку пробейте. Тут сдачи нет, здесь Марку оставляют сверх цены.

Мужчина вытащил рубль обратно, потом вернулся с чеком и ещё двадцать копеек всё-таки бросил в банку.

Шепелева стояла у выхода. Она смотрела на банку. Смотрела на людей. Потом развернулась и пошла в кабинет.

Через минуту под дверью кабинета загорелась полоска света. Шепелева застучала на пишущей машинке — часто, с размаху. Похоже, дополняла вчерашний донос.

Деньги посчитаем после раздачи. Пока я подавал последние готовые порции, Лодкин с Галкой отвесили из принятого холодильного остатка ещё два килограмма сала с мясными прожилками. Уши и головы остались на своих полках. Витька хотел сунуть новую ёмкость к столу, но я остановил его:

— Сырое в цех. Доска другая, руки вымоешь. Это ещё жарить надо, не поднос людям.

— Понял. А очередь?

— Зоя скажет, когда новая партия будет. Кто спешит — пусть идёт за котлетой, не обещаю готовое через минуту.

Следующую закладку готовили, пока у стола расходился остаток первой. Жир отдельно, горячее — на чистый противень; выход перед новой выдачей взвесили, Тамара записала дополнительные порции. Утренние восемь килограммов и эти два дали на продажу шестьдесят порций по сто граммов, небольшой остаток оставили на пробу. К концу обеда продали всё, что провели по этому выходу. Остальное сырьё осталось в холоде.

Лодкин подошёл к чистой сковородке, понюхал глазурь и покосился на отставленный горелый котёл.

— Хорошая получилась. Лучше прежней. Чёрное не тронул — правильно.

Витьке дал каплю соуса на отдельной чистой ложке. Он помедлил, кивнул — попробовал наконец, что у нас получилось. Использованную ложку унёс к мойке.

— Завтра в шесть, — напомнил я.

— Завтра в шесть. Приду.

У окна Аллы было пусто. Она сняла белую форму и в своей обычной блузке подошла к моей витрине. Остановилась передо мной, выжидая. Я уже потянулся за порцией, но заметил, что она пришла с пустыми руками.

Из оставленного для пробы взял последнюю небольшую шкварку. Положил на салфетку и подвинул ей.

Алла взяла её двумя пальцами, откусила, старательно прожевала. Остаток держала над салфеткой. Я ждал, что скажет.

— Тётя опять пишет, — произнесла она. — Ты же слышишь машинку.

— Слышу. А ты ешь, Алла. Сегодня соус чуть не сжёг, но горелым тебя кормить не стану.

Она опустила глаза и доела.

Потом отвернулась. И вышла в зал.

Банку убрал со стола после последнего чека. На дне снова звякнула мелочь. Руки гудели от казана и венчика, а у дверей люди всё ещё спрашивали, во сколько завтра открываемся.

После закрытия показал Тамаре расход глазури и пробных шкварок, сверили сегодняшнюю выдачу. Тридцать шесть рублей за шестьдесят порций остались в столовской кассе. Из личных чайных — восемнадцати рублей девяноста копеек — отдал ей рубль восемьдесят, пять процентов от этой продажи.

Тамара подняла старый расчётный лист с оставленной строкой за суп и резерв. Под него положила запись о выданных сухарях, масле и бульоне.

— Вот эта доля была натурой, Марк. Я её уже забрала. Второй раз платить не будешь. Здесь отметку не перенесли.

Она сверила выдачи и закрыла строку. У меня отлегло: прежний запас не превратился задним числом ещё и в денежный долг. За нынешние продажи расчёт другой, из чайных, мы его только что закончили.

Сегодняшний чистый прирост составил семнадцать рублей десять копеек. Вместе с прежними четырнадцатью сорока получилось тридцать один рубль пятьдесят копеек. Пять рублей вынул на следующую доставку, оставил отдельным свёртком. Для инструмента и свободного оборота оставалось двадцать шесть пятьдесят. Даже ножа ещё не видел, а уже считал, сколько потеряю, если соглашусь у Фурсова на долг.

Матвей заглянул после своего обхода, пока мы с Лодкиным проверяли холодильный остаток. Про новую поставку на субботу договорились заранее: по накладной, с прежней доставкой через грузчиков. Тогда я и спросил, не знает ли он, где купить нож лучше моего.

— Китайский видел, с перекосом, — сказал Матвей. — Не хватай первый, который блестит. Наведаюсь к одному человеку, завтра скажу.

Ночью к печи не возвращались. Лодкин закрыл цех; утром предстояла новая смена, а не продолжение вчерашнего разрешённого часа.

В пятницу утром поручень у стены всё ещё держался верхним креплением; ржавый болт торчал над перекошенным деревом. Протирая поднос у своего окна, я всякий раз косился на рваное дерево: зацепится кто-нибудь рукавом, потянет — и поручень упадёт. После вчерашнего напора очереди ремонтники обещали зайти только в понедельник. Ящики оставили у стены, на них Лодкин натянул верёвку. Малый стол отодвинули от повреждения; сбоку поставили чистый столик с весами, чтобы принесённые продукты не попадали к готовым порциям. До ремонта придётся следить и за этим участком раздачи.

Про Демешко Лодкин напомнил ещё у холодильника: пятница, могут прийти из облпита. Накладную, расход и выход Тамара держала под рукой. Не явился к открытию — это ещё не значит, что миновал нас. На шкварки отвесили ещё восемь килограммов из принятого запаса, жарить их начали до открытия. Уши и головы из этого веса не брали; после сегодняшней закладки в холоде останется четырнадцать килограммов разного сыря.

— Сынок! Марк! Ты меня слышишь, аль оглох там за своим казаном? Я тебе огурчиков принесла, ты только посмотри!

Бабка Катя из пятого подъезда тащила трёхлитровую банку в авоське. Банку привязала к ручке верёвкой, и теперь та впивалась в пальцы. Катя улыбалась и поднимала свою ношу повыше, чтобы я разглядел огурцы сквозь стекло.

За ней остановились ещё пятеро мужчин и женщин с банками, пакетами и бумажными свёртками. К обеденной очереди они пока не присоединялись: жались друг к другу, переговаривались вполголоса и пропускали бабку вперёд. Катя окликнула меня ещё раз, уже с обидой:

— Марк, ну куда мне с этим добром? Тяжело же держать.

Отложив поднос, я подался к Катерине Ивановне. От пальцев ещё пахло «Прогрессом», а у неё в авоське зеленели огурцы, плотно уложенные в банку.

— Красивые. Уже по виду слышно, как хрустеть будут.

Она заулыбалась, шагнула в свободный проход и подняла авоську над краем столика. Пальцы, пережатые верёвкой, разжались; банка накренилась. Схватил авоську снизу, принял тяжесть на ладонь и поставил на стол. Столько тарелок ловил на лету, а тут три литра чужого труда. Катерина Ивановна шумно выдохнула.

— Через ограждение не лезьте, — сказал ей. — Сюда проходите, здесь вам ничего на ноги не упадёт.

Вымыл руки после подноса и авоськи, вернулся к столу.

— Это тебе, родной, для души. Мы с соседками скинулись. Там за дверью ещё придут. Ты уж не отказывайся, обидятся. Я ж тебе не гадость какую тащу — огурцы, сама солила. Бери, а то обижусь.

За ней мужик в телогрейке обнимал пакет картошки. Женщина в платке придерживала у груди три яйца, спрятанные за пазухой. Каждый ждал, что я приму его гостинец, и каждому было неловко протянуть его первым. Меня кормили тем, что берегли дома. От такого и поблагодарить толком трудно: скажешь «спасибо», а комок в горле всё ещё мешает.

— Сюда поставим, — кивнул я на столик с чистыми весами. — Только давайте по-честному. Не тащите сразу в котёл: сперва посмотрим, что принесли.

Катерина Ивановна замерла. Мужик в телогрейке нахмурился.

— Чего по-честному? Мы ж своё, домашнее. Без химии. Тебе же лучше, сынок, ты же нас кормишь хорошо. Зачем считаться? Бери да вари, а мы в очередь встанем, как все.

Катерина Ивановна ждала ответа, мужик за её плечом хмурился всё сильнее. Вот как объяснить им, что банку я принять хочу, а потом за неё придётся отчитываться? Дома у себя я бы тут же открыл огурцы и нарезал хлеба. Здесь за любую картофелину могли потребовать бумагу. Значит, сначала записать и осмотреть, а не обещать порции за любую банку. Если хочу помочь этим людям, обед могу оплатить сам. Но их гостинец не превращается от этого в разрешённое сырьё.

Я наклонился к бабке, чтобы обойтись без объявления на весь зал.

— Поставлю вашу банку в холодильник — Раиса Петровна спросит, откуда взялось. Напишет: «Самовольное использование продуктов населения». Поэтому запишем, кто принёс, и отдельно оставим. Осмотрим, потом решим. Хотите меня угостить — спасибо. Но обед за банку я вам из казённого котла обещать не могу. Вы же хотите, чтобы я дальше здесь готовил? А потом кто вам шкварки жарить будет?

Катерина Ивановна притихла. У мойки за нами следила Алла; до этого она поглядывала вверх, только когда проходила тётка. Теперь выпрямилась и прислушалась. Слова про объяснительную ей были знакомы. Кажется, наконец стало понятно, зачем я задержал людей у приёма.

— Значит, так. Зина, поможешь записать? Вес, что принесли, кто принёс. До осмотра ничего на кухню не уносим. Кто голоден — скажите, я куплю вам обед. Только это мои деньги, а не обмен картошки на половник.

Зина положила стопку чистых полотенец на отдельную полку и пришла с тетрадью. Тамара принесла лист для приёма, Лодкин остался у весов: допускать продукты будет не прачка.

— Всё на тебя записать? — спросила Тамара, оглядев очередь.

— Два обеда и чай. Остальные сами скажут, что им нужно. Мои деньги покажу, касса не пострадает.

С утра в банку уже оставили новые чайные. Отсчитал Тамаре рубль сорок на два обеда и чай, получил чеки. До записи в тетради Зина эти чеки в руки не отдавала.

Мужик в телогрейке хмыкнул и поставил пакет на весы. Весы показали: два килограмма двести граммов.

— Два кило двести, — продиктовал я Зине. Она стояла рядом с раскрытой тетрадью в клеточку.

Зина побледнела. До сих пор в её тетрадь попадали наши: кто опоздал на смену, кто украл кусок хлеба, кто сколько съел. Теперь требовалось записать соседа, который принёс свою картошку.

— А... а зачем имена? — прошептала она, держа шариковую ручку над листом. — Сосед на соседа писать нельзя. Скажут, я доносчик. А потом на меня в райкоме жалобу напишут. Я и так всем должна — и полотенца считать, и смены отмечать.

Повернулся к ней и понизил голос, чтобы не слышал весь зал.

— Зина, посмотри на дверь заведующей. Шепелева там докладную строчит — про чёрный рынок. Придут проверять, что мы им покажем? У тебя будет: Петров принёс своё, картофель принят на осмотр, два килограмма двести граммов. Обед оплачен мной, чек отдельно. Ты не доносишь. Ты себя защищаешь и его заодно. Только не пиши, будто я уже этот картофель сварил.

— А если вернут?

— Зачеркнёшь принятие и напишешь, кому вернули. Обед назад из человека доставать не будем.

Зина вписала фамилию, крепко сжав шариковую ручку. Петров наклонился над тетрадью, прочитал свою строку и расправил плечи.

— Иван Степанович, всё правильно, — буркнул он. — Ну, теперь давай харчо. Раз уж записали, чего стоять?

— С чеком на обычную раздачу, — показал я. — Сегодня там харчо. Картошку Лодкин ещё переберёт, из твоей за пять минут суп не сварить.

— Да уж вижу, не фокусник, — ответил Петров и первым взял свой чек.

Следующий уже пододвигал свой пакет к весам. Некоторые всё-таки уходили: «Совсем совесть потеряли, даже спасибо не скажешь». Им хотелось отдать гостинец мне в руки, без фамилий и взвешивания. Другие оставались у весов: пусть запишут, раз здесь так надо. Петров вернулся со своим супом; стало видно, что обед ему дали без всякой торговли картошкой. Баба Клава поставила поллитровую банку мёда и попросила записать «частное пожертвование».

— Компоту мне плесни. Мёд домашний, хороший, — сказала она.

Клава сама купила два стакана компота у Тамары; к мёду их не приписывали. Банку оставила отдельно, до решения по приёмке. Дядя Гриша выложил связку колбасных обрезков и задержался возле Зины.

— Меня тоже запиши. Григорий. И спонсором запиши, раз уж я колбасу принёс.

— Григорий как по отчеству? — уточнила Зина.

— Ну запиши благодетелем, если спонсор не нравится.

Лодкин развернул бумагу. Обрезки колбасы лежали вместе, без этикетки; когда и где отрезаны, Гриша толком объяснить не смог.

— Это назад, — сказал я. — Не обижайся. Спасибо, что принёс, но посетителям такое не дам.

— Сам ел!

— Дома сам решаешь. Здесь я отвечаю. Хочешь чай — куплю. Колбасу заberi.

Гриша буркнул, что благодетелю даже развернуться не дают, но свёрток забрал. Зина записала возврат и протянула ему мой оплаченный чек на чай.

Следил, чтобы никто не обходил стол приёмки. Мусат в кармане фартука упирался в бедро, когда приходилось наклоняться к весам. Зина записывала продукты, а я направлял к весам людей: сначала спросить и осмотреть, затем записать. Лодкин перебрал картофель, отложил подпорченные клубни для возврата; чистый остаток взвесил заново. Яйца проверили отдельно, банку Кати пока не открывали и держали на отдельном столике. Никто не подливал её рассол в сегодняшнюю глазурь. К вечеру требовалось знать, что ещё ждёт решения, что допущено и что вернули, а не только кому дали чай.

И тут открылась дверь кабинета.

Раиса Петровна Шепелева вышла со стопкой бумаги. Придерживала листы под локтем, чтобы освободить руку. У стола приёмки остановилась: весы, банки в очереди, Зина с тетрадью. Поджав губы, перевела взгляд на меня.

— Что здесь происходит?! — Она так рявкнула, что официантки за стойкой вздрогнули. — Недостача сырьё? Самоснабжение? Вы собираете дань с населения прямо в столовой?!

Петров отступил от весов. Баба Клава уже набрала воздуха для ответа, но промолчала. Только что люди охотно называли Зине свои фамилии, а теперь каждый ждал, к кому Шепелева прицепится первому. Медовая банка стояла на виду; спрятать её Клава уже не могла.

Шагнул вперёд и загородил стол с весами...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.